B.8.399.

34.83.8 399.

Артуръ Шопенгауэръ.

ЭРИСТИКА

ИЛИ

ИСКУССТВО ПОБѢЖДАТЬ ВЪ СПОРАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Л. д'Андре.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ въ книжномъ магазинѣ Ѳ. Н. Митюрникова,
Казанская ул., № 11.
1900

Дозволено цензурою, СПБ., 24 Января 1900 г.

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

«Владимірская» Паровая Типо-Лит. Владим. пр., 19.

Эристика.

I.

Слова «логика» и «діалектика» уже въ древности употреблялись и считались синонимами, хотя глаголъ λογιζεσθαι обсуждать, думать, соображать и διαλέγεσθαι бесѣдовать— два совершенно различныхъ понятія.

Подобное употребленіе этихъ выраженій существовало въ средніе вѣка и даже встрѣчается иногда и по сію пору. Въ новѣйшія времена слово діалектика употреблялось нѣкоторыми учеными, въ особенности Кантомъ, въ отрицательномъ смыслѣ, которые называли ее «софистическимъ способомъ вести преніе» и по этой причинѣ выше ставили слово «логика», какъ болѣе невинное выраженіе даннаго понятія. Собственно же говоря, эти оба слова имѣютъ совершенно одинаковое значеніе, поэтому за послѣдніе годы на нихъ опять стали смотрѣть зачастую, какъ на синонимическія выраженія.

Такое положеніе вещей меня нѣсколько стѣсняетъ и не даетъ возможности такъ, какъ

хотѣлось бы оттѣнить и отдѣлить эти двѣ науки: логику и діалектику. По моему мнѣнію, логикѣ можно дать такое опредѣленіе: «наука о законахъ мышленія или способы дѣятельности разума» (отъ глагола λογιζεσθα: обдумывать, обсуждать, происходящаго въ свою очередь отъ слова λόγος, что значитъ *разумъ* или *слово*); діалектика же, употребляя это выраженіе въ современномъ значеніи есть «искусство вести пренія и споры или разговоры». Всякій разговоръ основанъ на приведеніи фактовъ или взглядовъ, то есть одинъ разъ бываетъ историческимъ, другой разъ что-либо разбираетъ или разсматриваетъ. Отсюда очевидно, что предметъ логики данъ цѣликомъ a priori, безъ всякой примѣси чего-либо историческаго или, что въ область этой науки входятъ общіе законы мышленія, которымъ подчиняется всякій умъ въ тотъ моментъ, когда онъ предоставленъ самому себѣ, когда ничто ему не мѣшаетъ, слѣдовательно въ періодъ уединеннаго мышленія разумнаго существа, котораго ничто не вводитъ въ заблужденіе. Наоборотъ, діалектика разсматриваетъ одновременную дѣятельность двухъ разумныхъ существъ, которые думаютъ въ одно и то же время, откуда, конечно, возникаетъ споръ, то есть духовная борьба. Оба существа обладаютъ чистымъ разумомъ, и потому они должны бы были согласиться другъ съ другомъ; на самомъ

дѣлѣ такого согласія нѣтъ и это несогласіе зависитъ отъ различныхъ индивидуальностей, присущихъ субъектамъ и потому должно считаться элементомъ эмпирическимъ. Такимъ образомъ логику, какъ науку мышленія, то есть дѣятельности чистаго разума, можно было бы построить совершенно a priori; діалектику же по большей части только a posteriori, послѣ практическаго уразумѣнія тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергается чистая мысль, какъ результатъ индивидуальныхъ различій при одновременномъ мышленіи двухъ разумныхъ существъ, а также послѣ ознакомленія со средствами, которыя употребляетъ каждый изъ нихъ для того, чтобы выставить свои индивидуальныя мысли чистыми и объективными. А это происходитъ по той причинѣ, что всякому человѣку свойственно при совмѣстномъ мышленіи, то есть стоитъ ему только узнать, при взаимномъ обмѣнѣ взглядовъ (кромѣ историческихъ разговоровъ), что чьи-либо мысли относительно даннаго предмета разнятся отъ его собственныхъ, то онъ вмѣсто того, чтобы прежде всего провѣрить свою мысль, всегда предпочитаетъ допустить ошибку въ чужой мысли. Другими словами, всякій человѣкъ уже отъ природы желаетъ всегда быть правымъ; то именно, что возникаетъ изъ этой особенности людей, учитъ насъ одна отрасль науки, которую я

хотѣлъ бы назвать «діалектикой» или для устраненія могущаго произойти недоразумѣнія «эристической діалектикой».

Такимъ образомъ это наука о стремленіи человѣка показать, что онъ всегда бываетъ правъ. «Эристика» — только болѣе рѣзкое названіе даннаго предмета.

«Эристическая діалектика» слѣдовательно, есть искусство вести споры, по такимъ образомъ, чтобы всегда оставаться правымъ, то есть *per fas et nefas*. Въ концѣ концовъ, объективно, можно быть правымъ и не казаться таковымъ другимъ, а даже очень часто и самому себѣ; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда противникъ опровергаетъ наши доводы и когда это сходитъ за опроверженіе всего спорнаго тезиса, въ доказательство котораго можетъ существовать много другихъ, неприведенныхъ нами въ данную минуту доводовъ. Въ такихъ случаяхъ противникъ окружаетъ себя ложнымъ свѣтомъ, кажется человѣкомъ, имѣющимъ резонъ, а на самомъ дѣлѣ кругомъ неправъ. И такъ истина спорнаго вопроса, взятая объективно, и сила правоты или резона въ глазахъ спорящихъ и слушателей — вещи совершенно различныя; эристическая же діалектика всецѣло основана на послѣдней.

Если бы въ природѣ людей не существовало зла, если бы мы были совершенно честны

при каждомъ обмѣнѣ мыслей, тогда безусловно мы единственно старались бы добиться правды и не обращали вниманія, чей взглядъ справедливъ, высказанный ли первоначально нами самими, или же нашимъ противникомъ. Къ этому послѣднему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или по крайней мѣрѣ не придавали бы ему такого важнаго значенія. Теперь же, наоборотъ, это составляетъ вещь первостепенной важности. Наша дума весьма раздражительна во всемъ, что касается интеллектуальныхъ силъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказалъ противникъ—справедливо. Имѣя въ виду это обстоятельство, слѣдовало бы каждому человѣку высказывать только правильныя мнѣнія, а потому сперва думать, а потомъ говорить. Но кромѣ врожденнаго мышленія большинству людей еще свойственна болтливость и врожденная недобросовѣстность. Говоримъ о чемъ-нибудь, совершенно не подумавши, и потомъ даже, если мы вскорѣ замѣтимъ, что наше мнѣніе ложно и лишено основанія, все-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противное. Любовь къ правдѣ, которая въ большинствѣ случаевъ была единственнымъ побужденіемъ постановки тезиса, кажущимся правдивымъ, совершенно уступаетъ мѣсто любви

къ собственному мнѣнію; такъ что правда такимъ образомъ кажется ложью, а ложь правдой.

Однако и эта недобросовѣстность, эта настойчивая защита тезиса, фальшъ, которую мы сами сознаемъ отлично, имѣетъ достаточное основаніе. Очень часто при началѣ разговора мы бываемъ глубоко убѣждены въ справедливости нашего сужденія, но потомъ аргументъ противника настолько силенъ, что опровергаетъ и разбиваетъ насъ; если мы сразу откажемся отъ своего убѣжденія, то весьма возможно, что впослѣдствіи убѣдимся, что мы были правы, но что наше доказательство было ошибочнымъ. Для защиты нашего тезиса можетъ быть и были вѣскіе доводы и доказательства, но какъ разъ на наше несчастіе такой избавитель—аргументъ не пришелъ намъ въ голову. Такимъ образомъ мы создаемъ себѣ правило веденія споровъ съ аргументами основательными и доказывающими предметъ и въ то же время допускаемъ, что резонность противника только кажущаяся и что во время спора можемъ случайно попасть на такой доводъ, который или разобьетъ окончательно аргументъ противника или какимъ либо инымъ образомъ обнаружитъ справедливость мнѣнія противника. Благодаря этому, если мы и не принуждены непремѣнно быть въ спорѣ недобро-

совѣстными, то по крайней мѣрѣ легко очень можемъ случайно сдѣлаться ими. Такъ взаимно поддерживаютъ другъ друга: немощь нашего сужденія и превратность нашей воли. Отсюда происходитъ, что ведущій диспутъ борется не за правду, но за свой тезисъ, какъ *pro ara et focis*, ведетъ дѣло per fas et nefas и, какъ я раньше замѣтилъ, нелегко можетъ освободиться отъ этого. Всякій стремится одержать верхъ даже въ томъ случаѣ, когда отлично сознаетъ, что его мнѣніе ложно и ошибочно или сомнительно.

Макіавелли совѣтуетъ князю пользоваться каждой минутой слабости своего сосѣда, чтобы напасть на него, потому что въ противномъ случаѣ этотъ же сосѣдъ можетъ воспользоваться его минутной слабостію. Совсѣмъ иное дѣло, если бы господствовала правда и искренность; но нѣтъ возможности ни разсчитывать на нихъ, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такія хорошія качества награда бываетъ весьма плохая. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать въ спорѣ. Весьма сомнительно, отплатитъ ли тебѣ противникъ тѣмъ же, если ты въ спорѣ отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти навѣрно можно сказать, что онъ не будетъ великодушничать а поведетъ дѣло *per nefas*; а отсюда выводъ, что и ты долженъ поступать

такъ же. Легко соглашусь съ тѣмъ, что всегда надо стремиться къ правдѣ и что не надо быть пристрастнымъ къ собственнымъ взглядамъ; но откуда знать, будетъ ли другой человѣкъ придерживаться того же мнѣнія, что и мы.

Помощниками въ проведеніи тезиса могутъ служить въ извѣстной степени собственная ловкость и пронырливость. Этому искусству поучаетъ человѣка ежедневный опытъ, такъ что каждый имѣетъ собственную, природную діалектику, какъ и собственную логику, съ тою только разницею, что первая не такая вѣрная, какъ послѣдняя. Люди рѣдко думаютъ и выводятъ заключенія, противныя законамъ логики, ложныя сужденія весьма часты, но ложныя заключенія очень рѣдки. Вотъ почему рѣдко можно найти человѣка съ недостаткомъ собственной природной логики и такъ часто съ недостаткомъ природной діалектики. Діалектика— даръ природы, распредѣленной неравномѣрно, и потому она похожа на способность судить о вещахъ, способность, распредѣленная весьма неровно, между тѣмъ какъ здравый разумъ, собственно говоря, распредѣляется довольно равномѣрно. Очень часто бываетъ, что кажущаяся аргументація сбиваетъ и опровергаетъ то, что по существу своему совершенно справедливо и резонно и наоборотъ, вышедшій изъ спора побѣдителемъ очень часто не столько обязанъ спра-

ведливости сужденія при защитѣ своего мнѣнія, сколько искусству и ловкости. Врожденный талантъ здѣсь, какъ и во всемъ, играетъ первую роль. Однако упражненіе и разсматриваніе различныхъ способовъ, при помощи которыхъ можно опровергнуть противника или которые самъ противникъ употребляетъ для доказательства своихъ мыслей, служатъ хорошей руководительницей въ данномъ искусствѣ. Вотъ почему логика не имѣетъ никакого практическаго значенія, а наоборотъ діалектика обладаетъ имъ въ значительной степени. По моему мнѣнію, Аристотель построилъ свою логику, то есть аналитику, исключительно такимъ образомъ, чтобы она служила основой и вступленіемъ къ діалектикѣ. Логика занимается только формой утвержденій, діалектика же изслѣдуетъ ихъ суть и матерію; поэтому изслѣдованіе формы, какъ общей вещи, должно предшествовать изслѣдованію сути или подробностей. Аристотель не оттѣняетъ такъ сильно, какъ я, цѣли діалектики; правда, онъ указываетъ на диспутъ, какъ на главную цѣль, но въ тоже время, какъ на стремленіе къ отысканію правды. Далѣе, онъ говоритъ: „Надо разсматривать утвержденія съ философской точки зрѣнія, согласно съ ихъ правдой и съ точки зрѣнія діалектической, согласно съ ихъ очевидностію и мнѣніемъ другихъ людей». Правда, Аристотель признаетъ независимость и раз-

лицу между объективной правдой тезиса и чьим-либо подтвержденіемъ этого тезиса, но дѣлаетъ это признаніе только вскользь, дабы приписать это значеніе исключительно діалектикѣ. Вотъ почему его правила, касающіяся діалектики, часто смѣшиваются съ такими правилами, цѣль которыхъ отыскиваніе правды. Поэтому мнѣ кажется, что Аристотель не вполнѣ выполнилъ свою задачу, стараясь въ своей книжкѣ: «de elenchis sophisticis» выдѣлить діалектику отъ софистики и эристики, причемъ разница должна была состоять въ томъ, что діалектическіе выводы истинны по отношенію къ формѣ и сути, а эристическіе или софистическіе нѣтъ. Послѣдніе разнятся между собою только цѣлью: въ эристическихъ выводахъ эта цѣль опредѣляется желаніемъ быть правымъ, въ софистическихъ же, стремленіемъ добиться такимъ путемъ почета или денегъ). Истинны ли сужденія, что касается сути, вещь весьма сомнительная, потому что всегда отсюда же можно вывести основанія, при помощи которыхъ можно сдѣлать ихъ различными: менѣе всего могутъ быть увѣрены въ этомъ сами спорящіе, даже результатъ спора можетъ дать только сомнительное заключеніе.

По этой-то причинѣ мы должны подъ діалектикой Аристотеля понимать также софистику

и эристику и опредѣлять ее, какъ искусство всегда быть правымъ во всѣхъ спорахъ.

Само собою разумѣется, вся помощь заключается въ томъ, чтобы дѣйствительно имѣть резонъ. Но это условіе, исключая всѣ остальные, конечно недостаточно для людей; съ другой стороны, имѣя въ виду слабость ихъ разсудка, это не необходимая вещь. Слѣдовательно, здѣсь необходимы другіе искусственные пріемы, которые, независимо отъ объективной правды, можно употреблять и при отсутствіи объективнаго резона, о дѣйствительномъ существованіи котораго почти никогда нельзя судить съ полной увѣренностію,

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, логика и діалектика должны быть отдѣлены другъ отъ друга большею отчетливостью и очевидностью, чѣмъ это сдѣлалъ Аристотель; логика должна заняться объективной правдой, насколько эта правда можетъ быть формальной, а діалектика должна ограничиться одержаніемъ побѣдъ въ спорахъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ отдѣлять діалектику отъ софистики и эристики, какъ это дѣлаетъ Аристотель, ибо это различіе основано на объективной, матерьяльной правдѣ, относительно которой мы не можемъ судить съ полной увѣренностію прежде времени, но только можемъ повторить за Пилатомъ «что такое истина?», ибо: «veritas est in puteo» Очень

часто послѣ оживленнаго спора, въ концѣ концовъ каждый изъ спорящихъ возвращается къ мнѣнію своего оппонента. Такимъ образомъ по просту мѣняются собственными взглядами. Не штука доказывать, что въ спорахъ надо имѣть въ виду только выясненіе истины; именно вся суть заключается въ томъ, что неизвѣстно, гдѣ эта правда, когда аргументы противника и наши собственные вводятъ насъ въ заблужденіе. Наконецъ: *re intellecta, in verbis simus faciles*; разъ на діалектику смотрятъ, какъ на науку равнозначащую логикѣ, то, какъ было сказано раньше, назовемъ свою науку «dialectica eristica» — «эристической діалектикой». Главное правило, что предметъ каждой науки надо строго выдѣлить отъ остальныхъ наукъ. Примѣняя это правило къ діалектикѣ, слѣдуетъ ее разсматривать исключительно, какъ искусство быть всегда правымъ, независимо отъ объективной истины, чего, само собою разумѣется, въ сто разъ легче достигнуть, когда мы дѣйствительно бываемъ правы. Діалектика, какъ таковая наука, должна насъ учить, какъ должно защищаться отъ всякаго рода нападковъ, а въ особенности несправедливыхъ, затѣмъ, какъ нужно самому нападать на другихъ, не противорѣча себѣ самому, и вообще не рискуя быть разбитымъ другимъ. Необходимо совершенно отдѣлить стремленіе къ отысканію объективной правды отъ искусства

устраиваться такимъ образомъ, чтобы наши сужденія казались всѣмъ справедливыми. Первое стремленіе совсѣмъ другая «πραγματεία»: это дѣло разсудка, способности разсуждать, опытности, чему неспособно научить никакое искусство: послѣднее же, наоборотъ, составляетъ цѣль діалектики. Ей даютъ опредѣленіе: «логики очевидности». Это ошибочно, потому что въ такомъ случаѣ ею можно было бы пользоваться только при защитѣ ложныхъ сужденій. Діалектика же необходима тогда, когда мы правы для того, чтобы мы могли защищать эту правоту; съ этою цѣлью необходимо знать всѣ красивые, искусственные пріемы, чтобы съумѣть отражать ихъ, а даже очень часто пользоваться ими, чтобы сокрушить противника его же собственнымъ оружіемъ. Вотъ почему объективная правда совершенно не должна разсматриваться въ діалектикѣ, или разсматриваться, какъ нѣчто исключительное; задача этой науки состоитъ въ томъ, чтобы учить, какъ слѣдуетъ защищать собственныя сужденія и какъ опровергать сужденія противника. Часто самъ спорящій положительно не знаетъ, правъ онъ или нѣтъ; а очень часто вполнѣ убѣжденъ, что правъ, а на самомъ дѣлѣ заблуждается; еще чаще бываетъ, что оба спорящіе думаютъ, что каждый изъ нихъ правъ, а тутъ имѣнно: „veritas est in puteo“. Въ началѣ спора каждый изъ против-

никовъ убѣжденъ, что правда на его сторонѣ; во время же спора оба начинаютъ колебаться, конецъ же спора долженъ выяснить правду и подтвердить ее. Поэтому самой діалектикѣ нечего заботиться объ этой правдѣ, подобно тому какъ учителю фехтованія нечего заботиться, кто былъ правъ въ ссорѣ, которая привела ихъ обоихъ къ поединку. Наносить и отражать удары—вотъ что больше всего интересуетъ учителя. То же самое мы замѣчаемъ и къ діалектикѣ, этомъ фехтованіи умовъ. Только такимъ образомъ понимаемая діалектика можетъ составить одну изъ вѣтвей науки. Какъ скоро мы поставимъ себѣ цѣлью единственно объективную правду, сейчасъ же вернемся къ чистой логикѣ, если же, наоборотъ, докажемъ эту правду при помощи фальшивыхъ и ложныхъ сужденій, вступимъ въ сферу настоящей софистики. И въ томъ и въ другомъ случаѣ обыкновенно допускается, что мы заранѣе знали, гдѣ правда и ложь—что очень рѣдко бываетъ извѣстно раньше. Поэтому самое настоящее опредѣленіе діалектики то, которое я привелъ раньше: діалектика—есть ничто иное, какъ *умственная фехтовка* для доказательства правоты въ спорахъ. Названіе „эристика“ ближе опредѣляетъ данное понятіе, чѣмъ „діалектика“, больше же всего, по моему мнѣнію, подходитъ названіе „эристическая діалектика“.

Такъ понимаемая діалектика является только систематическимъ, правильнымъ сочетаніемъ и выясненіемъ различныхъ искусственныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ въ спорахъ большинство людей, когда замѣчаетъ, что правота не на ихъ сторонѣ, а въ то же время желаетъ во что бы то ни стало ея добиться. Поэтому было бы отсутствіемъ всякой послѣдовательности имѣть въ виду въ научной діалектикѣ объективную правду и ея выясненіе, между тѣмъ какъ въ основной, натуральной діалектикѣ этого нѣтъ, вся цѣль основывается единственно на томъ, чтобы одержать побѣду въ спорѣ. Научная діалектика, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, заключаетъ изложеніе и анализъ искусственныхъ пріемовъ, употребляемыхъ въ недобросовѣстномъ спорѣ для того, чтобы въ серьезныхъ спорахъ можно было сразу ихъ распознать и опровергнуть. Поэтому то главной и сознательной цѣлью діалектики должно быть желаніе одержать верхъ и остаться въ глазахъ противника и постороннихъ слушателей правымъ, а не объективная правда.

По моему мнѣнію, сколько я не наблюдалъ и не слѣдилъ, по этому вопросу почти еще ничего не сдѣлано. Поэтому поле представляется вполнѣ необработаннымъ. Чтобы достигнуть желанной цѣли, приходилось пользоваться опытомъ, наблюденіемъ, какъ примѣ-

нается въ спорахъ тотъ или другой способъ, наконецъ обобщать повторяющіеся подъ различными формами пріемы и такимъ образомъ создать нѣкоторыя общія уловки, которыя могли бы сослужить службу, какъ для доказательства своихъ мнѣній, такъ и для того, чтобы опровергнуть чужія.

На слѣдующій отдѣлъ надо смотрѣть, какъ на первый опытъ въ этомъ отношеніи.

Основаніе всякой діалектики.

Вотъ на чемъ основывается сущность диспута публичнаго, академическаго, въ судахъ или, наконецъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ:

Ставится тезисъ, который долженъ быть опровергнутъ; для этого существуетъ два способа и два пути:

1) Способы бываютъ *ad rem* и *ad hominem*. При помощи перваго мы опровергаемъ, абсолютную или объективную истину тезиса доказывая несогласіе съ настоящими чертами, отличающими предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. При помощи же второго, мы опровергаемъ относительную истину тезиса, доказывая, что эта послѣдняя противорѣчитъ другимъ сужденіямъ или взглядамъ противника; или же доказываетъ несостоятельность его аргументовъ, при чемъ объективная истина предмета остается

въ концѣ концовъ невыясненной. Напримѣръ, если въ споръ о философскихъ или естественно-научныхъ предметахъ противникъ (который въ такомъ случаѣ навѣрняка англичанинъ) позволяетъ себѣ цитировать библейскіе аргументы, то мы имѣемъ полное право опровергнуть его при помощи тѣхъ же аргументовъ, хотя такіе аргументы только ad hominem, невыясняющіе существа дѣла. Это похоже на то, какъ если бы кто-либо сталъ платить долги фальшивыми деньгами, которыя были получены имъ отъ того же кредитора. Такого рода *modus procedendis* можно во многихъ случаяхъ сравнить съ представленіемъ на судѣ подложнаго обязательства, на которое отвѣтчикъ съ своей стороны отвѣчаетъ подложной квитанціей; хотя заемъ могъ существовать на самомъ дѣлѣ. Такъ же какъ въ послѣднемъ случаѣ, аргументація *ad hominem* имѣетъ преимущество краткости, ибо очень часто правдивое и толковое выясненіе правды потребовало бы слишкомъ много труда и времени.

2) Что касается того, какъ слѣдуетъ поступать, то стремиться къ достиженію цѣли можно двоякимъ путемъ: прямымъ или косвеннымъ. При помощи перваго пути мы нападаемъ на *первооснову* тезиса, а при посредствѣ второго на его результаты. Первымъ путемъ мы дока-

зываемъ *несправедливость* тезиса, вторымъ, что такой тезисъ *не можетъ быть правдивымъ*.

Разсмотримъ вышесказанное подробнѣе:

а) Опровергая прямымъ путемъ, то есть нападая на основанія тезиса, мы или показываемъ, что сами они невѣрны, говоря *nego maiorem* или *nego minorem*, и въ обоихъ случаяхъ нападая на матерію, служащую основаніемъ заключенія; или же мы допускаемъ эти основанія, но показываемъ, что тезисъ не вытекаетъ изъ нихъ и говоримъ слѣдовательно: nego consequentiam, нападая такимъ образомъ на форму заключенія.

3) Опровергая косвеннымъ путемъ, то есть нападая на тезисъ при помощи его слѣдствій, на основаніи неточности этихъ послѣднихъ, выводимъ заключеніе о неточности и невѣрности самаго тезиса по закону *a falsitate rationati ad falsitatem rationis valet consequentia*, при этомъ мы можемъ воспользоваться или прямой *инстанціей* или *апогоіей*.

Instantia есть только *exemplum in contrarium*: она опровергаетъ тезисъ, показывая предметы или отношенія, содержащіяся въ положеніи и вытекающія изъ него, къ которымъ однако не можетъ быть примѣнима, а слѣдовательно не можетъ быть правдивой.

Апогогіей пользуемся въ томъ случаѣ, когда временно признаемъ правильность тезиса, но

потомъ связываемъ съ нимъ какое-то другое, признанное истиннымъ или безусловно истинное положеніе, такъ чтобы взятые вмѣстѣ они сдѣлались бы посылками того заключенія, которое съ полною очевидностью для всѣхъ было выведено ошибочно; ибо оно или противорѣчитъ самому существу вещей или свойству предмета, о которомъ идетъ рѣчь, признанному достовѣрно, или же наконецъ другому положенію лица, которое выставило тезисъ. Отсюда апогога можетъ быть *ad hominem* и *ad rem*. Если выводъ противорѣчитъ несомнѣннымъ истинамъ, достовѣрность которыхъ очевидна всѣмъ даже a'priori, то это доказываетъ, что мы довели противника *ad absurdum*.

Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ ложность заключенія противника должна зависѣть отъ его тезиса: разъ достовѣрность оставшихся посылокъ не подлежитъ сомнѣнію, то тезисъ не можетъ быть вѣренъ.

Всякая придирка въ спорѣ можетъ быть всегда подведена подъ одинъ изъ приведенныхъ выше формальныхъ способовъ и потому въ діалектикѣ эти способы играютъ ту же роль, что при фехтованіи удары, наносимые противнику по правиламъ. Приведенныя дальше уловки можно сравнить со стратегическими хитростями и увертками, а особенныя придирки въ спо-

рахъ съ тѣмъ, что учителя фехтованія называютъ «свинскими ударами».

II.

Уловки.

Уловка 1. *Распространеніе.* Необходимо вывести положеніе противника изъ естественныхъ, патуральныхъ предѣловъ, обсуждать его въ самомъ общемъ и обширномъ смыслѣ и расширить его какъ можно больше. Чѣмъ общѣе утвержденіе, тѣмъ больше открывается поле дѣйствія и тѣмъ болѣе открыто для нападенія и придирокъ. Вспомогательнымъ средствомъ служитъ точная и подробная постановка *puncti* или status controversiae.

Примѣръ 1. Я доказывалъ, что «первою считается англійская драма». Противникъ хотѣлъ воспользоваться инстанціей и замѣтилъ, что, «насколько всѣмъ извѣстно, англичане не создали ничего выдающагося ни въ музыкѣ, ни въ оперѣ». Я возражаю, что музыка не входитъ въ составъ понятія о драмѣ; послѣдняя обозначаетъ только трагедію и комедію, о чемъ противникъ отлично зналъ, только хотѣлъ обоб-

щить мое положеніе, распространивъ его на театральныя представленія, а слѣдовательно на оперу и музыку, съ тою цѣлью, чтобы палѣрняка разбить меня впослѣдствіи. Наоборотъ, спасти свое положеніе можемъ, если станемъ его какъ можно больше съуживать и, конечно, если съумѣемъ соотвѣтственнымъ образомъ выразить свои мысли.

Примѣръ 2. Ламаркъ (Philosophie zoologique, vol. I, p. 206) утверждаетъ, что полипы лишены всякаго ощущенія на томъ основаніи, что у нихъ совершенно нѣтъ нервовъ. Между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что полипы ощущаютъ, такъ какъ идутъ на свѣтъ, осторожно перемѣщаются съ вѣточки на вѣтку, чтобы схватить добычу. Отсюда слѣдуетъ предположеніе, что нервная система полиповъ равномѣрно распредѣлена въ общей массѣ всего организма, какъ будто слилась съ нимъ въ одно цѣлое, ибо совершенно очевидно, что эти животныя получаютъ раздѣльныя впечатлѣнія, не обладая отдѣльными органами чувствъ. Такъ какъ только-что сказанное достаточно ясно опровергаетъ гипотезу Ламарка, то этотъ ученый прибѣгаетъ къ слѣдующаго рода діалектической выкруткѣ: въ такомъ случаѣ всѣ составныя части организма полипа должны быть приспособлены ко всякимъ ощущеніямъ, а также къ движенію, къ волѣ и мышленію; тогда полипъ

имѣлъ бы въ каждомъ пунктѣ своего тѣла всѣ органы наиболѣе совершенныхъ животныхъ, а слѣдовательно каждый пунктъ могъ бы видѣть, обонять, слышать и т. д., даже думать, соображать и дѣлать заключенія; каждая часть его тѣла была бы совершеннымъ животнымъ и самъ полипъ сталъ бы существомъ даже болѣе высшимъ чѣмъ человѣкъ, ибо каждая частичка его тѣла обладала бы всѣми тѣми качествами, которыми человѣкъ обладаетъ только въ цѣломъ. Затѣмъ не было бы никакого препятствія распространить все то, что было сказано о полипахъ, и на монады, эти самыя несовершенныя существа, а затѣмъ и на растенія, которыя также живутъ, и т. д. Употребленіемъ такого рода діалектическихъ уловокъ авторъ самъ выдастъ себя и покажетъ, что онъ самъ признаетъ себя въ душѣ неправымъ. Въ утвержденія, что цѣлое тѣло полипа способно къ воспріниманію свѣтового ощущенія Ламаркъ дѣлаетъ заключеніе, что цѣлое тѣло полипа думаетъ...

Уловка 2. Воспользоваться *хомониміей* съ цѣлью распространенія положенія на то, что или ничего, или во всякомъ случаѣ очень мало имѣетъ общаго, кромѣ идентичности самаго слова съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, потомъ искусно отразить это и сдѣлать видъ, что опровергнуто само положеніе.

Примѣръ. Я попосилъ издавна сложив-

шесся мнѣніе, что по нанесеніи кому-либо оскорбленія честь этого пострадавшаго субъекта запятнана до тѣхъ поръ, пока оскорбленіе не будетъ смыто кровью противника или своею собственною. Какъ на главное основаніе моего мнѣнія, я указывалъ на то, что честь не можетъ быть запятнана тѣмъ, что человѣкъ выноситъ и терпитъ отъ другихъ людей, но только своими собственными поступками, потому что никто не можетъ ручаться ни за что и ни отъ чего не можетъ быть вполнѣ гарантированъ. Противникъ замѣтилъ, что если какого-нибудь купца неправильно обвиняютъ въ плутовствѣ, нечестности и безалаберномъ веденіи дѣла, то такое обвиненіе оскорбляетъ его честь, приноситъ материальные убытки, и что въ такомъ случаѣ, чтобы возстановить свое честное имя, онъ долженъ призвать клеветника къ отвѣтственности и заставить его взять свои слова назадъ.

Такимъ путемъ при помощи *honoriii* онъ подставилъ мѣщанскую честь или доброе имя, обезславленное клеветой, на мѣсто рыцарской чести, иначе называемой «point d'honnour», которая можетъ быть опорочена простой обидой. Далѣе, такъ какъ оскорбленіе перваго рода чести въ цѣляхъ чисто утилитарныхъ не можетъ быть оставлено безъ послѣдствій, но должно быть опровергнуто гласно, публично, то на основаніи того же самаго оскорбленія рыцарской чести не

можетъ быть оставлено безъ мести, но должно быть смыто и опровергнуто еще болѣе сильной обидой и поединкомъ. Благодаря *хомонимiи*, въ словѣ «честь» происходитъ смѣшенiе двухъ совершенно различныхъ понятiй.

Условiе 3. *Утвержденiе, выставленное только относительно, κατὰ, relative, принимается вообще, simpliciter, absolute или по крайней мѣрѣ понимается въ совершенно иномъ смыслѣ и затѣмъ въ этомъ именно смыслѣ опровергается.* Вотъ примѣръ Аристотеля: «Мавръ черенъ, но что касается зубовъ— бѣлъ; итакъ, онъ въ то же время черенъ и не черенъ». Это вымышленный примѣръ, который на дѣлѣ никого не обманетъ; возьмемъ другой изъ дѣйствительной жизни.

Примѣръ. Въ одномъ философскомъ разговорѣ я призналъ, что моя система защищаетъ и хвалитъ квiетистовъ; вскорѣ послѣ того рѣчь зашла о Гегелѣ и я утверждалъ, что онъ большею частью писалъ ерунду или, что авторъ ставитъ слова, а читатель долженъ добавить имъ смыслъ. Противникъ не сталъ опровергать этого *ad rem*, но ограничился тѣмъ, что выставилъ аргументъ *ad hominem*: «вы только что хвалили квiетистовъ, а они тоже писали много ерунды».

Я согласился съ этимъ, но сдѣлалъ поправку въ томъ отношенiи, что хвалю квiетистовъ не

какъ *философовъ и писателей* и потому не за ихъ теоретическія произведенія, а какъ *людей* за ихъ поступки въ практическомъ отношеніи. Что же касается Гегеля, то рѣчь идетъ о теоретическихъ произведеніяхъ.

Такимъ образомъ нападеніе было отражено.

Первыя три уловки имѣютъ много общаго, а именно: противникъ говоритъ не о томъ, о чемъ начали спорить. Кто позволитъ, чтобы его опровергнули одного изъ этихъ уловокъ, тотъ доказываетъ *ignoratio elenchi*. Все, что говоритъ противникъ въ этихъ уловкахъ справедливо; но между его положеніемъ и поставленнымъ тезисомъ нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія, а только кажущееся, а потому тотъ, на кого направлена атака, долженъ отрицать заключеніе, а именно выводъ невѣрности тезиса изъ вѣрности положенія противника, а это составляетъ прямое сбиваніе доводовъ его собственнаго сбиванія доводовъ *per negationem consequentiae*.

Уловка 4. Не допускать вѣрныхъ посылокъ, предвидя заключеніе.

Есть два средства:

а) Когда желаешь вывести заключеніе, не надо обнаруживать его слишкомъ рано, но во время разговора добывать посылки поодиночкѣ,

ибо въ противномъ случаѣ противникъ можетъ пробовать и пользовать всякаго рода придирками. Когда сомнительно, согласится ли противникъ съ твоими посылками, слѣдуетъ поставить посылки посылокъ, построить просиллогизмы, затѣмъ ловко выманить, безъ всякаго опредѣленнаго порядка, посылки нѣкоторыхъ просиллогизмовъ, прикрывая такимъ образомъ свою игру до тѣхъ поръ, пока не согласятся съ тѣмъ, что тебѣ нужно. Такое правило предлагаетъ Аристотель (Top. lib. VIII, c. 1). Примѣры излишни.

б) Для доказательства своего тезиса можно пользоваться и ложными посылками, если противникъ не соглашается съ вѣрными, или если онъ не убѣжденъ въ ихъ вѣрности, или если замѣчаетъ, что изъ нихъ прямо вытекаетъ нужный для твоего доказательства выводъ. Тогда надо воспользоваться положеніями, по существу своему ложными, но вѣрными *ad hominem*, и аргументировать, исходя изъ способа мышленія противника, ex concessis. Правду можно доказать при помощи ложныхъ посылокъ, хотя никогда наоборотъ. Можно также опровергать ложныя положенія при помощи ложныхъ же положеній, если противникъ считаетъ ихъ вѣрными, и потому надо такъ поступать, что-бы всегда примѣняться къ его взглядамъ. Если, напримѣръ, противникъ—послѣдователь какой-ни-

будь секты, которую мы отрицаемъ, то мы имѣемъ право употребить, какъ principia противъ него изреченія этой секты (Arist. Top. VIII, c. 9).

Уловка 5. Сдѣлать изподтишка petitio principii по отношенію того, что слѣдуетъ доказать, или: 1) подъ другимъ названіемъ (напримѣръ, вмѣсто *честь* говорить *доброе имя*, вмѣсто *дѣвственность* говорить *добродѣтель*: 2) когда въ спорѣ дѣло касается подробностей, требовать общаго допущенія; напримѣръ, доказывая несостоятельность и неувѣренность медицины, требовать допустить несостоятельность всей науки людей: 3) когда, наоборотъ, два положенія вытекаютъ одно изъ другого и надо доказать первое, домогаться допустить второе; 4) когда требуется доказать какой-нибудь предметъ въ общемъ, требовать, чтобы согласились по очереди со всѣми подробностями (Arist. Top. VIII, c. 3).

Что касается упражненій въ діалектикѣ, то очень хорошія указанія можно найти въ послѣднемъ отдѣлѣ «Topica» Аристотеля.

Уловка 6. Когда споръ ведется серьезно и со всѣми формальностями, и одинъ непремѣнно хочетъ совершенно понять другого, тогда тотъ, кто поставилъ тезисъ и желаетъ его доказать, долженъ постоянно обращаться къ противнику съ вопросами, чтобы изъ его допущеній заключить объ истинѣ утвержденія. Эта *эроте-*

маіическая метода была во всеобщемъ употребленіи у древнихъ (иначе она называется сократовскою). Къ этой методѣ можно отнести настоящій способъ и нѣкоторые другіе изъ послѣдующихъ, обработанныхъ по теоріи Аристотеля (de elenchis sophisticis c. 15).

Задавать вопросовъ надо много и долго для того, чтобы скрыть то, на что ожидаешь и желаешь подтвержденія. Кромѣ того, наоборотъ, надо быстро излагать свою аргументацію изъ допущеннаго, ибо кто быстро схватываетъ мысли, тотъ не можетъ и не имѣетъ времени замѣтить возможныя ошибки и погрѣшности въ доказательствахъ.

Уловка 7. *Стараться раздражать противника*, ибо подъ вліяніемъ гнѣва онъ не въ состояніи слѣдить за собою и высказывать правильныя мнѣнія, ни даже замѣтить свою правоту. Гнѣвъ же можно вызвать постоянными придирками и явнымъ недобросовѣстнымъ отношеніемъ.

Уловка 8. *Задавать вопросы не въ томъ порядкѣ, какъ того требуетъ заключеніе, но съ перерывами* Въ такомъ случаѣ противникъ не знаетъ, къ чему относятся эти вопросы и потому не можетъ предупредить ихъ результатовъ, а вслѣдствіе этого можно воспользоваться его отвѣтомъ для различныхъ выводовъ, даже для прямо противоположныхъ, смотря по тому, каковыми они окажутся. Такой

способъ похожъ на 4-ую уловку, гдѣ точно также надо маскировать свои дѣйствія.

Уловка 9. Когда замѣчаешь, что противникъ намѣренно отвѣчаетъ отрицаніемъ на вопросы тамъ, гдѣ мы могли бы воспользоваться утвержденіемъ для нашего положенія, надо *спрашивать обратное тому, что требуетъ положеніе*, какъ бы желая его утвержденія или, по крайней мѣрѣ, предоставляя ему то и другое на выборъ, такъ чтобы онъ не замѣчалъ, какого утвержденія мы добиваемся.

Уловка 10. Когда мы строимъ индукцію и противникъ соглашается съ отдѣльными случаями, при которыхъ она можетъ быть поставлена, не *слѣдуетъ задавать ему вопроса, соглашается ли онъ также съ общей истиной, вытекающей изъ этихъ случаевъ, но вести ее какъ окончательно признанную*, такъ какъ иногда и самому противнику можетъ показаться, что онъ призналъ ее, и постороннимъ слушателямъ,, помнящихъ вопросы объ отдѣльныхъ фактахъ, которые должны бы были привести къ этой цѣли.

Уловка 11. Если рѣчь идетъ о такомъ общемъ понятіи, которое не имѣетъ особаго названія, а должно быть обозначено фигурально при помощи сравненій, то мы должны *избрать такое сравненіе, которое болѣе всего соотвѣтствовало бы нашему утвержденію*. Такъ,

напримѣръ, имена, которыми обозначаются въ Испаніи объ политическія партіи, serviles и liberales, придуманы и выбраны, безъ всякаго сомнѣнія, этими послѣдними. Имя протестантовъ избрано, конечно, ими самыми, равно какъ и названіе евангелической церкви. имя эретиковъ дано имъ католиками. То же можно сказать относительно болѣе точныхъ названій вещей. Такъ, напримѣръ, противникъ предложитъ какое-нибудь измѣненіе: его называютъ „нововведеніемъ“, такъ какъ это слово выражаетъ антипатію: и поступаютъ наоборотъ, когда сами дѣлаютъ предложеніе. То, что человѣкъ совершенно незаинтересованный назоветъ «культомъ» или «общественнымъ вѣроисповѣданіемъ», другой называетъ «богобоязнью», «набожностью». Въ сущности это ничто иное, какъ деликатное *petitio principii*: то, что желаютъ доказать, то напередъ какъ будто помѣщаютъ въ слово, въ названіе, изъ котораго оно затѣмъ вытекаютъ посредствомъ простого аналогическаго сужденія. То, что одинъ называетъ «подвергнуть личному задержанію, взять подъ стражу», противникъ его называетъ «запереть.» Говорящій нерѣдко заранѣе выдаетъ свое намѣреніе тѣми именами, которыми называетъ вещи. Одинъ говоритъ, «духовенство», другой — «попы».

Изъ всѣхъ уловокъ эта самая употребительная, инстинктивная. Ревность религіозная-фана-

тизмъ. Галантность—прелюбодѣяніе. Двухсмысленность — сальность. Плохое веденіе дѣлъ—банкротство. Посредствомъ вліянія и связей—при помощи подкупа, непотизма. Справедливая признательность—хорошая плата.

Уловка 12. Дабы заставить противника согласиться съ тѣмъ или другимъ утвержденіемъ, *надо поставить прямо противоположное положеніе и предоставить ему выборъ, причемъ надо выразить это послѣднее положеніе такъ ясно, чтобы противникъ, избѣгая обвиненія въ парадоксальности, принялъ нашъ тезисъ.*

Напримѣръ, мы желаемъ, чтобы противникъ согласился съ тѣмъ, что такой-то изъ нашихъ знакомыхъ долженъ во всемъ повиноваться своему отцу, что бы онъ ему не приказывалъ. Мы задаемъ вопросъ: слѣдуетъ-ли слушать родителей—или нѣтъ? Или, когда говоримъ о чемъ нибудь: «часто»—спрашиваемъ, много или мало случаевъ надо подразумѣвать подъ словомъ «часто». Совершенно аналогично тому, какъ, если бы кто-либо положилъ сѣрый предметъ, рядомъ съ чернымъ. Въ такомъ случаѣ этотъ предметъ можно назвать бѣлымъ; если же положить его рядомъ съ бѣлымъ, назовутъ его чернымъ.

Уловка 13. Нечестную штуку устраиваемъ тогда, когда послѣ нѣсколькихъ заданныхъ во-

Гос. Публичная Библиотека

просовъ, на которые противникъ отвѣтилъ такъ тонко, что мы не можемъ ими воспользоваться, для выведенія желаемаго заключенія. Она состоитъ въ томъ, что *мы дѣлаемъ заключеніе, которое какъ будто доказано этими отвѣтами противника и провозглашаемъ его съ тріумфомъ*. Если противникъ застѣнчивъ, не-смѣлъ или прямо глуповатъ, а сами мы обладаемъ порядочной долей безстыдства и хорошей глоткой, это можетъ очень легко удаться. Такого рода способъ принадлежитъ къ «fallacia non causae ut causae».

Уловка 14. *Если мы поставили парадоксальный тезисъ и затрудняемся доказать его, тогда предлагаемъ противнику какой-нибудь другой вѣрный, хотя и не совсѣмъ очевидный тезисъ* для того, чтобы почерпнуть изъ него матеріалъ для доказательства. Если же въ умъ противника вкрадется подозрѣніе и онъ отброситъ этотъ послѣдній тезисъ, то надо довести его ad absurdum и тогда торжествовать; если же онъ согласится съ нами, то слѣдовательно, какъ бы то ни было, мы сказали нечто разумное и потому можемъ поискать чего-нибудь другого, или же, наконецъ, присоединяемъ еще предъидущую уловку и утверждаемъ, что такимъ путемъ мы доказали свой парадоксъ. Конечно, это доказываетъ полное отсутствіе его стыда, но тѣмъ не менѣе въ

обыденной жизни встрѣчается очень часто; есть даже люди, которые поступаютъ такимъ образомъ совершенно инстинктивно.

Уловка 15 Argumenta ad hominem или ex concessis. При утвержденіи противника необходимо посмотрѣть не противорѣчитъ ли оно такимъ или другимъ образомъ, хотя бы съ тѣмъ нибудь, что доказывалъ, или съ чѣмъ онъ согласился раньше. Далѣе, не противорѣчитъ ли оно тезису школы или секты, которую онъ хвалилъ и одобрялъ, дѣятельности послѣдователей этой секты, хотя бы нынѣ и не существующихъ но только кажущихся, наконецъ тому, что онъ самъ дѣлаетъ или не дѣлаетъ. Напримѣръ, если противникъ защищаетъ самоубійство, обязательно надо спросить его, почему онъ самъ до сихъ поръ не повѣсился, или если утверждаетъ, что Берлинъ нехорошій городъ и что въ немъ не возможно жить, спроси его, почему онъ не уѣзжаетъ оттуда съ первымъ поѣздомъ. Придирку можно найти всегда и во всякомъ случаѣ.

Уловка 16. Если противникъ тѣснитъ насъ обратнымъ доказательствомъ, мы можемъ спастись какимъ нибудь *тонкимъ различеніемъ*, о которомъ прежде мы не думали, правда, если только предметъ допускаетъ двойное значеніе или двойной случай.

Уловка 17. Если замѣчаемъ, что противникъ

попалъ на аргументацію, при помощи которой можетъ опровергнуть наше положеніе, мы, не допуская до этого, должны прервать споръ и перескочить или перенести его на другое положеніе, однимъ словомъ устроить «mutatis controversiae» или сразу начать съ чего либо совсѣмъ другого, какъ будто оно относится къ дѣлу и составляетъ аргументъ противъ собесѣдника.

Когда диверсія относится такъ или иначе къ thema quaestionis, то эта уловка совершается съ нѣкоторою скромностію; съ нахальствомъ же и наглостью, когда диверсія касается единственно одного противника и не имѣетъ никакого отношенія къ самимъ предметамъ. Напримѣръ, я хвалилъ китайцевъ за то, что у нихъ нѣтъ родового дворянства, и что должности даются единственно по выдержаніи экзаменовъ.

Мой противникъ доказывалъ, что образованіе столь же мало способствуетъ полученію должностей, какъ и происхожденіе (которому онъ придавалъ извѣстное значеніе). Естественно дѣло приняло для него дурной оборотъ; онъ немедленно сдѣлалъ диверсію, что въ Китаѣ всѣ касты безъ исключенія подвергаются наказанію палочными ударами, поставилъ это въ связь съ усиленнымъ чаепитіемъ и въ концѣ концовъ за то и другое сталъ ругать китайцевъ.

Если бы кто-нибудь вдался въ подробное

разсмотрѣніе всего этого, слишкомъ далеко удалился бы отъ своего предмета и безусловно остался бы побѣжденнымъ.

Съ полнымъ безстыдствомъ ведется споръ тогда, когда диверсія совершенно оставляетъ сущность вопроса и начинается, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ:

«Вѣдь еще раньше вы также доказывали и т. д.», тогда уже надо приспособляться къ лицу, съ которымъ ведется споръ, о чемъ будетъ сказано въ послѣдней уловкѣ. Собственно говоря, это средняя ступень между объясняемымъ тамъ «argumentum ad personam» и «argumentum ad hominem». Каждый споръ, происходящій между людьми, показываетъ въ достаточной степени, насколько эта уловка обща и врождена. Разъ одинъ дѣлаетъ замѣчанія, касающіяся личности, а другой ихъ не опровергаетъ, а въ свою очередь обращается къ своему противнику съ такими же замѣчаніями, оставляя безъ отвѣта тѣ, которыя сдѣланы ему самому, то этимъ самымъ онъ признаетъ ихъ справедливость.

Въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ подобно Сципіону, который напалъ на карѳагенянъ не въ Италіи, а въ Африкѣ. На войнѣ подобнаго рода диверсія можетъ принести пользу, но въ спорахъ и перебранкахъ она совсѣмъ не годится, потому что полученные упреки остаются совер-

шенно неопровергнутыми и посторонній слушатель узнаетъ самыя дурныя и компрометирующія вещи о той и другой сторонѣ; въ спорахъ употребляется ея faute de mieux.

Уловка 18. Если противникъ желаетъ, чтобы мы прямо возразили противъ того или другого пункта его тезиса, а мы въ данный моментъ не можемъ ничего отвѣтить подходящаго, то мы должны совершенно *обобщить предметъ и тогда только начать разбивать его.* Напримѣръ, приходится высказать свое мнѣніе, почему та или другая физическая гипотеза не заслуживаетъ довѣрія — тогда начинаемъ говорить о несостоятельности и вообще о несовершенствѣ науки у людей и какъ можно длиннѣе и запутаннѣе начинаемъ доказывать это несовершенство. Когда же намъ удалось выманить и вытянуть отъ противника посылки, съ которыми онъ согласился, не слѣдуетъ спрашивать про заключеніе, а вывести его самостоятельно и даже, если не хватитъ той или другой посылки, должны и ее принять за допущенную противникомъ и дѣлать выводъ.

Уловка 19. Если замѣчаемъ, что противникъ приводитъ какой-нибудь фантастическій или призрачный аргументъ, можемъ, правда, легко опровергнуть его, разбирая заключающуюся въ немъ фальшь и фантазію, но чтобы короче и скорѣе достигнуть желаемаго результата, го-

раздо удобнѣе *отвѣтить такимъ же ложнымъ и софистическимъ, прямо противоположнымъ аргументомъ*, такъ какъ вся суть не въ правдѣ, а единственно въ одной только побѣдѣ. Напримѣръ, если противникъ приводитъ аргументъ *ad hominem* достаточно парализовать его обратнымъ аргументомъ *ad hominem* (ex concessis).

Уловка 20. Противорѣчіе и запальчивость въ спорѣ побуждаетъ только къ *излишнему преувеличенію тезиса*. Такимъ путемъ мы можемъ принудить противника къ расширенію тезиса, который, переходя за границу истины, самъ по себѣ правиленъ; когда намъ удается разбить сдѣланное такимъ образомъ обобщеніе, будетъ казаться, что мы опровергнули основной тезисъ. И наоборотъ, мы должны беречься, чтобы сами, увлекшись споромъ, не впали въ обобщеніе или черезчуръ широкое распространеніе нашего положенія. Часто противникъ старается самъ расширить нашъ тезисъ дальше, чѣмъ мы это сдѣлали; тогда слѣдуетъ остановить его и ввести споръ въ извѣстныя границы, говоря: «вотъ что я сказалъ, но отнюдь не больше».

Уловка 21. *Вылавливаніе заключеній.* Выводимъ изъ тезиса противника при помощи ложныхъ выводовъ и искаженія понятій такія утвержденія, которыхъ въ тезисѣ совершенно

нѣтъ и которыя совершенно противорѣчатъ взглядамъ противника. Но такъ какъ кажется, что изъ его положенія вытекаютъ другія, которыя находятся въ противорѣчіи или между собою или съ общепринятыми истинами, то это сходитъ за косвенное опроверженіе, за апогогу и составляетъ опять примѣненіе *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 22 *Апогога при помощи инстанціи, exemplum in contrarium.* Въ то время, какъ ἐπαγωγή inductio требуетъ много случаевъ, чтобы поставить общій тезисъ ἀπαγωγή должна поставить только одинъ случай, къ которому тезисъ не подходитъ и бываетъ опровергнутъ. Такого рода случай называется инстанціей, *exemplum in contrarium, instantia*.

Напримѣръ, тезисъ: «всѣ жвачныя животныя имѣютъ рога», опровергается одной инстанціей верблюдъ. Инстанція, такимъ образомъ, есть случай, когда общая истина примѣняется къ чему либо такому, что должно заключаться въ ея основномъ понятіи и по отношенію къ которому она недѣйствительна и потому сама падаетъ.

Въ этомъ случаѣ легко впасть въ ошибку, а потому надо обращать вниманіе: 1) Дѣйствительно ли вѣренъ примѣръ; бываютъ вопросы, въ которыхъ единственное возможное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы случай при-

знать неестественнымъ, напримѣръ, масса чудесъ, исторій привидѣній и т. д. 2) Дѣйствительно ли примѣръ примѣнимъ къ понятію выставленной истины; очень часто случается, что это только кажется и потому вопросъ самымъ простымъ путемъ рѣшается при помощи простого точнаго различенія. 3) Дѣйствительно ли примѣръ находится въ противорѣчіи съ выставленною истиной, такъ какъ очень часто и это противорѣчіе бываетъ только призрачнымъ.

Уловка 23. Хорошій ударъ противнику зависитъ отъ *retorsio argumenti*, то есть, когда аргументъ, которымъ хочетъ воспользоваться противникъ еще лучше можетъ быть употребленъ противъ него самого. Напримѣръ, когда говоритъ: «вѣдь это ребенокъ, къ нему нельзя относиться строго» — употребляемъ *retorsio* «вотъ потому-то его и надо учить, чтобы онъ не выросъ и не свыкся со своими дурными привычками».

Уловка 24. Если при какомъ нибудь приведенномъ удачно аргументѣ противникъ *начинаетъ видимо злиться*, надо усиленно пользоваться этимъ аргументомъ и даже злоупотреблять имъ, не только по той причинѣ, что онъ раздражаетъ и дразнитъ противника, но и потому, что благодаря такому факту мы можемъ смѣло вывести заключеніе, что нечаянно на-

пали на слабую сторону и слѣдовательно легко можемъ поймать его на чемъ-нибудь.

Уловка 25. Эту уловку можно употребить особенно въ томъ случаѣ, когда ведется споръ между учеными людьми въ присутствіи неученыхъ слушателей и когда вдругъ явится недостатокъ въ *argumentum ad rem*, а даже и *ad hominem*. Тогда употребляютъ *argumentum ad auditores*, то есть дается отвѣтъ негодный, но негодность котораго можетъ опредѣлить только человѣкъ, хорошо знакомый съ существомъ дѣла; таковъ противникъ, но не слушатель. Поэтому въ глазахъ этихъ послѣднихъ противникъ останется побѣжденнымъ, въ особенности же, если отвѣтъ выставитъ его тезисъ въ смѣшномъ видѣ. Всѣ люди всегда готовы смѣяться и тѣ, которые смѣются, всегда будутъ на нашей сторонѣ. Чтобы обнаружить фальшъ отвѣта, пришлось бы прибѣгнуть къ длинному анализу и къ главнымъ основамъ науки или, наконецъ, къ другимъ какимъ нибудь источникамъ, а для этого не много найдется охотниковъ слушать.

Примѣръ. Противникъ утверждаетъ, что при первоначальной формаціи горъ масса, изъ которой кристаллизировался гранитъ и всѣ остальныя горы, была въ жидкомъ состояніи отъ жара, слѣдовательно расплавлена. Жаръ долженъ былъ быть приблизительно въ 200° R

Масса кристаллизировалась подъ прикрывающей ее морской поверхностью Мы дѣлаемъ argumentum ad auditores, что при такой температурѣ и даже раньше при 80° море выкипѣло бы и носилось бы въ воздухѣ въ парообразномъ состояніи. Слушатели смѣются. Чтобы опровергнуть насъ, противнику пришлось бы показать, что точка кипѣнія зависитъ не только отъ степени тепла, но въ равной мѣрѣ и отъ давленія атмосферы, а оно въ свою очередь до такой степени повышается, какъ только половина морской воды носится въ парахъ, что и при 200° не наступаетъ кипѣнія. Но до этого онъ не дойдетъ, такъ какъ для не физиковъ на это потребовалось бы особое разсужденіе.

Уловка 26. *Argumentum ad verecundiam.* Вмѣсто того, чтобы приводить вѣскія доказательства пользоваться авторитетами, конечно, сообразуясь съ знаніемъ противника. Unusquisque mavult credere, quam judicare» — говоритъ Сенека. По этой причинѣ легко вести споръ, когда на своей сторонѣ имѣешь авторитетъ, котораго уважаетъ противникъ. Чѣмъ ограниченнѣе знаніе и способности, противника, тѣмъ большее количество авторитетовъ имѣетъ для него значеніе. Если же онъ обладаетъ очень хорошими способностями, то или мало, или совсѣмъ не признаетъ авторитетовъ. Само

собою разумѣется, что онъ согласится съ авторитетными спеціалистами въ мало ему извѣстной или совершенно неизвѣстной наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, но и то съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Наоборотъ, люди обыкновенные относятся къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ; они совершенно не знаютъ того, что тотъ, кто дѣлаетъ изъ предмета ремесло, любитъ не самъ предметъ, но выгоду и пользу, вытекающую изъ него; имъ также неизвѣстно, что тотъ, кто учитъ чему либо другихъ, самъ основательно не знаетъ этого предмета, потому что тому, кто самъ изучаетъ предметъ обыкновенно не остается свободнаго времени на обученіе другихъ. Но у толпы всегда есть много уважаемыхъ авторитетовъ: поэтому, когда намъ недостаетъ дѣйствительнаго авторитета, можно взять только кажущійся и привести то, что сказано въ совершенно другомъ смыслѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Больше же всего имѣютъ вліяніе и большое значеніе тѣ авторитеты, которыхъ противникъ совершенно не понимаетъ. Напримѣръ, люди неученые больше всего уважаютъ латинскихъ и греческихъ философовъ. Съ авторитетами можно дѣлать все, что угодно, не только допускать натяжки, но даже совершенно искажать смыслъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ можно даже цитировать авторитеты собственнаго воображенія.

По большей части у противника нѣтъ подъ рукой книжки, а если и есть, то онъ не умѣетъ съ нею справляться.

Вотъ самый лучшій примѣръ какой только можно найти. Одинъ французскій священникъ, чтобы не мостить улицу передъ своимъ домомъ, какъ того требовали отъ всѣхъ домовладѣльцевъ, привелъ слѣдующую фразу изъ Библіи: «paveant illi, ego non pavebo» чѣмъ совершенно убѣдилъ представителей городскаго управленія. Наконецъ можно выдавать за авторитеты общія предразсудки, потому что большинство людей соглашается съ мнѣніемъ Аристотеля: » ἃ μεν πολλοῖς δοκεῖ, ταυτά γε εἶναι φαμεν.

Нѣтъ такого самаго безсмысленнаго взгляда, котораго бы люди легко не усвоили себѣ, разъ имъ удается вразумить, что онъ общепринятъ и вездѣ распространенъ. Примѣръ также благотворно дѣйствуетъ на умы людей, какъ и на ихъ поступки. Какъ бы то ни было, странно, что общепризнанное мнѣніе имѣетъ на нихъ такое вліяніе разъ имъ извѣстно, какъ эти мнѣнія принимаются людьми на вѣру, безъ всякаго со своей стороны обсужденія, только на основаніи чьего либо примѣра. Происходитъ это по всей вѣроятности отъ того, что большинство людей лишено самопознанія. Только весьма немногіе повторяютъ за Платономъ: τοῖς πολλοῖς πολλὰ δοκεῖ то есть, что толпа

имѣетъ много причудъ, и если бы кто захотѣлъ сообразоваться съ ними, взялъ бы на себя непосильную работу.

Всеобщность мнѣнія, серьезно говоря, не доказательство, ни даже вѣроятное основаніе его правильности. Утверждающіе противное, должны допустить 1) что удаленіе во времени лишаетъ силы эту всеобщность, иначе имъ пришлось бы вернуться ко всѣмъ старымъ заблужденіямъ, нѣкогда признававшимся всѣми за истину, напримѣръ къ системѣ Птоломея или къ возстановленію католицизма въ христіанскихъ странахъ. 2) То же самое можно сказать и относительно отдаленности въ пространствѣ. Иначе всеобщность мнѣній поставила бы въ затруднительное положеніе послѣдователей буддизма, христіанства и ислама (Bentham, Tactique des assemblées législatives, vol. p. 76.).

То, что называютъ общимъ мнѣніемъ, оказывается, составляетъ мнѣніе двухъ-трехъ особъ; мы убѣдились бы въ этомъ, если бы могли присутствовать при исторіи возникновенія какого нибудь такого мнѣнія. Тогда бы мы нашли, что первоначально приняли его, выставили и утверждали два-три человѣка, нѣкоторые же были настолько добры, что повѣрили, будто первые его вполнѣ основательно изслѣдовали. На основаніи предразсудка этихъ послѣднихъ о достаточныхъ способностяхъ первыхъ,

приняли то же мнѣніе другіе. Этимъ въ свою очередь повѣрили еще многіе, которымъ лѣность подсказывала совѣтъ повѣрить на слово и не тратить время на испытаніе. Такъ со дня на день возрастало количество этихъ лѣнивыхъ и легковѣрныхъ послѣдователей, потому что какъ только мнѣніе получало за себя достаточное число голосовъ, слѣдующіе уже полагали, что оно могло достигнуть этого лишь благодаря прочности своихъ основаній. Остальные должны были допустить то, что допускалось всѣми, чтобъ ихъ не считали безпокойными людьми, возстающими противъ общественнаго мнѣнія, и дерзкими мальчишками, которые хотятъ быть умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Тогда уже немногіе, способные къ сужденію, должны молчать, а тѣ, которые могутъ говорить, совершенно неспособны имѣть собственное сужденіе, а представляютъ только отголосокъ чужихъ мнѣній, которыя они защищаютъ съ большею ревностью и нетерпимостью. Они ненавидятъ въ думающемъ иначе не столько другое мнѣніе, котораго онъ придерживается, сколько нахальство благодаря которому онъ судитъ самостоятельно, на что они никогда не отважатся и что въ душѣ отлично сознаютъ. Короче сказать, мыслить станутъ очень немногіе, а свое мнѣніе хотятъ имѣть всѣ поголовно. Что же имъ при такомъ положеніи вещей остается, какъ не зазубрить и голословно повторять готовыя

чужія мнѣнія, вмѣсто того, чтобы составлять ихъ самимъ! Если дѣло происходитъ такимъ образомъ, то что же значитъ голосъ ста милліоновъ людей? То же, что какой-нибудь историческій фактъ, который встрѣчаешь повторяющимся у сотни историческихъ писателей, когда потомъ оказывается, что всѣ они описали его другъ съ друга, такъ что въ концѣ концовъ все сводится къ сообщенію одного и того же (Bayle. Pensées sur les comètes. Vol. I, p. 10.).

Dico ego, tu dicis, sed denique dixit et ille:

Dictaque post tot ties, nil nisi dicta vides.

Тѣмъ не менѣе въ споръ съ обыкновенными людьми можно пользоваться общимъ мнѣніемъ, какъ авторитетомъ.

Вообще, когда спорятъ между собою двѣ заурядныя головы, оказывается, что избираемое ими обѣими оружіе большею частью сводится къ авторитетамъ; авторитетами они тузятъ другъ друга. Если болѣе способной головѣ приходится имѣть дѣло съ плохой, то и для этой послѣдней самое благоразумное взяться за то же оружіе, выбирая его сообразно слабымъ сторонамъ противника. Противъ оружія логическихъ основаній противника *ex hypothesi*, окунувшись въ пучину неспособности къ мыш-

ленію и суждению, достаточно крѣпко закаленъ, какъ Зигфридъ.

При законодательствѣ, въ судахъ диспуты производятся только при помощи авторитетовъ, авторитета твердо установленнаго закона. Для осужденія достаточно отыскать и привести соотвѣтствующую статью закона, то есть такую, которая примѣнительна къ данному случаю. Но и здѣсь остается большое поле дѣйствія для діалектики, потому что, въ случаѣ надобности, данный случай и законъ, хотя они собственно и не подходятъ другъ къ другу, переворачиваются на всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока не окажутся подходящими или наоборотъ.

Уловка 27. Когда не знаешь, что отвѣчать на утвержденія противника, то *можно съ деликатной ироніей признаться въ своей некомпетентности*: «То, что вы говорите недоступно моему слабому уму; можетъ быть вы и правы, но я не понимаю этого, потому отказываюсь высказать какое-либо мнѣніе». Такимъ образомъ слушатели, у которыхъ пользуется уваженіемъ, вполнѣ убѣждены, что твой противникъ говоритъ ужасный абсурдъ. Такъ, напримѣръ, по выходѣ въ свѣтъ «Критики чистаго разума» или, вѣрнѣе сказать, въ самомъ началѣ того періода, когда оно стало интересовать и волновать людскіе умы, многіе профессора діалектической школы объявили: «мы этого не

понимаемъ», думая, что такимъ путемъ имъ удалось очень тонко и хитро отдѣлаться отъ этого.

Но когда нѣкоторые послѣдователи новой школы доказали имъ, что они вправѣ были это сказать, такъ какъ дѣйствительно ничего не поняли, то эти ученые старой школы страшно разсердились.

Этой уловкой можно пользоваться только въ томъ случаѣ, когда вполнѣ сознаешь, что пользуешься въ глазахъ слушателей большимъ авторитетомъ, чѣмъ твой противникъ; напримѣръ, когда спорятъ профессоръ и студентъ.

Въ сущности этотъ пріемъ принадлежитъ къ предыдущей уловкѣ и составляетъ особенно коварный способъ замѣны достаточныхъ основаній собственнымъ авторитетомъ. Опровергать эту уловку можно слѣдующимъ образомъ: «Простите, но при вашей проницательности, вамъ не составитъ ни малѣйшаго труда понять это: виноватъ, конечно, я, такъ какъ слишкомъ неясно изложилъ предметъ», а потомъ слѣдуетъ разжевать и положить противнику въ ротъ, вопреки его собственному желанію, для того, чтобы онъ самъ пришелъ къ убѣжденію, что, дѣйствительно, сначала ничего не понялъ.

Такимъ образомъ уловка возвращена обратно.

Противникъ этимъ хотѣлъ внушить слушате-

лямъ мысль, что мы принимаемъ за тезисъ «абсурдъ», между тѣмъ мы доказали только всю его «непонятливость».

И то и другое не переступаетъ границъ вѣжливости и приличія.

Уловка 28. Очень легко можно устранить или по крайней мѣрѣ сдѣлать подозрительнымъ, нѣкоторыя выставленныя противъ насъ утвержденія противника. Надо только *свести ихъ къ какой-нибудь презираемой всѣми или неуважаемой категоріи*, конечно, если эти утвержденія имѣютъ какую-нибудь, хотя самую слабую связь съ ними. Въ такомъ случаѣ обыкновенно восклицаютъ: «о, голубчикъ, да вѣдь это манихейство! это аріанство! это пелагіанство это идеализмъ! это спинозизмъ! это натурализмъ, пантеизмъ! раціонализмъ! это спиритизмъ! это мистицизмъ! и т. д.

При этомъ можно допустить слѣдующее:

1) Что утвержденіе есть дѣйствительно идентично съ приведенной категоріей, или по крайней мѣрѣ въ ней заключается, тогда мы кричимъ: «о, это уже давно всѣмъ извѣстно!»

2) Что категорія эта совершенно опровергнута и что въ ней нѣтъ ни на іоту правды.

Уловка 29. „*Можетъ быть это справедливо въ теоріи, но на практикѣ совершенно ложно*“.

При помощи этого софизма люди въ прин-

цiпѣ соглашаются, но въ то же время опровергаютъ выводы, вопреки правилу: *a ratione ad rationitum valet consequentia*. Подобное утвержденіе домогается и требуетъ невозможнаго, ибо что всѣмъ извѣстно, то, что вѣрно въ теоріи, должно быть вѣрно и на практикѣ: въ противномъ случаѣ надо предположить, что въ самую теорію вкралась какая-то ошибка, которую въ данную минуту не замѣтили.

Уловка 30. Когда противникъ не дастъ никакого прямого отвѣта на вопросъ или приведенный аргументъ, а уклоняется посредствомъ косвеннаго отвѣта, или задастъ въ свою очередь вопросъ, или какимъ-нибудь совершенно другимъ путемъ, не относящимся къ дѣлу, стремясь въ то же время перескочить на какую-нибудь другую тему разговора,—то это именно служитъ лучшимъ доказательствомъ, что мы коснулись случайно его слабой стороны, иначе, что онъ умышленно умалчиваетъ объ этомъ. Поэтому надо все время напирать на этотъ пунктъ и не выпускать противника даже тогда, когда мы сами еще не знаемъ, въ чемъ именно заключается эта слабая сторона, которой мы коснулись.

Уловка 31. Данная уловка, если только ею можно воспользоваться, замѣняетъ собою всѣ остальныя. Вмѣсто того, чтобы производить вліяніе на умъ противника основаніями, надо при

помощи мотивовъ дѣйствовать *на волю противника и слушателей*. Ничего, если слушатели склоняются на сторону противника, они сейчасъ вернутся къ нашему мнѣнію, хотя бы оно происходило изъ дома умалишенныхъ. Обыкновенно одинъ лотъ воли гораздо больше имѣетъ значенія, чѣмъ цѣлый центнеръ попиманія и убѣжденія. Конечно, такъ поступать можно не всегда, но только въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, если можно дать понять противнику, что если онъ своему взгляду будетъ придавать большое значеніе, то сильно повредитъ своимъ интересамъ. И онъ моментально откажется отъ своего взгляда, съ такой быстротой, какъ обыкновенно бросаютъ неосторожно взятый руками раскаленный кусокъ желѣза. Если, напримѣръ, духовное лицо защищаетъ какой-нибудь философскій догматъ, то стоитъ только ему напомнить, что онъ такимъ образомъ грѣшитъ противъ основного догмата своей церкви, какъ онъ моментально отъ него отступится. Если землевладѣлецъ распространяется и доказываетъ громадную пользу машинъ въ Англіи, гдѣ паровая машина исключаетъ почти совершенно людской ручной трудъ, дайте ему понять, что скоро паровыя машины замѣнятъ упряжныхъ лошадей, причемъ онъ понесетъ большой убытокъ, такъ какъ упадетъ цѣна на лошадей всѣхъ заводовъ, а слѣдовательно и его

многочисленнаго и благоустроеннаго завода, и увидите, что изъ этого выйдетъ. *Quam temere in nosmet legem sancimus iniquam.*

То же происходитъ, если слушатели принадлежатъ къ одной съ нами секты (роду занятія, оружія, клубу и т. д.), а противникъ къ другой. Пусть его тезисъ будетъ вѣренъ, но разъ мы намекнемъ, что онъ противорѣчитъ общимъ интересамъ упомянутаго цеха, всѣ слушатели станутъ считать его аргументы слабыми и жалкими, хотя бы даже они были превосходны, наши же — на самомъ дѣлѣ самые фантастическіе кажутся имъ вѣрными и хорошими. Присутствующіе хоромъ подадутъ за насъ голосъ, а побѣжденный противникъ сойдетъ, понуря голову, со старта.

Уловка 31. *Озадачить и сбить противника съ толку безсмысленнымъ наборомъ словъ и фразъ.* Эта уловка основывается на томъ, что „люди, если что нибудь слышутъ, привыкли думать, будто подъ фразами скрывается какая-нибудь мысль“.

Если противникъ такой человѣкъ, который въ душѣ сознаетъ свою слабость и привыкъ слышать много непонятныхъ вещей и дѣлать видъ, что все отлично понимаетъ, то можно импонировать ему, засыпая его съ совершенно серьезнымъ выраженіемъ лица ученымъ или глубокомысленно звучащимъ абсурдомъ, отъ ко-

тораго у него онѣмѣютъ слухъ, зрѣніе и мысль; все это можно выдавать за безспорное доказательство своего тезиса. Всѣмъ извѣстно, что подобную уловку употребляли въ послѣднее время нѣмецкіе философы съ поразительнымъ успѣхомъ, когда имѣли дѣло даже съ большимъ скопленіемъ публики. Но такъ какъ *exempla* были бы *odiosa*, то сошлемся на старый примѣръ, приведенный Гольдсмитомъ (Vicar of Wakefield, p. 30).

Уловка 33. (Эту уловку надо употреблять одной изъ первыхъ). *Когда противникъ на самомъ дѣлѣ правъ, но на счастіе приводитъ плохія доказательства, легко бываетъ опровергнуть это доказательство и притянуть это опроверженіе опроверженію всего тезиса.*

Вся суть заключается въ томъ, что мы выдаемъ аргументъ ad hominem за аргументъ ad rem. И если противнику или слушателямъ случайно не придетъ на умъ настоящее доказательство, тогда мы побѣдили. Напримѣръ, если кто-нибудь, доказывая, что Богъ существуетъ, приведетъ онтологическое доказательство, которое легко опровергнуть. Вотъ путь, благодаря которому плохіе адвокаты проигрываютъ хорошія дѣла и стремятся оправдать ихъ закономъ, который непримѣнимъ въ данномъ случаѣ, и не находятъ соотвѣтствующей статьи.

Отсюда заключительный выводъ: между споромъ in colloquio privato s. familiaris и disputatio solemnis publica нѣтъ существенной разницы, развѣ только та, что въ послѣднемъ случаѣ требуется, чтобы тотъ, кто отвѣчаетъ (Respondens), непремѣнно оказался правъ противъ возражающаго (Opponens) и потому, въ случаѣ надобности, предсѣдательствующій (Praeses) сильнитъ къ нему на помощь. Кромѣ того аргументація производится болѣе формально при чемъ эти аргументы очень охотно облекаютъ въ форму суроваго, строгаго вывода.

Послѣдняя уловка. *Когда замѣтишь, что передъ тобою болѣе сильный противникъ, придирайся къ нему при первомъ удобномъ случаѣ, будь съ нимъ грубъ и двуличенъ.*

Придирка состоитъ въ томъ, чтобы удалиться отъ предмета спора (такъ какъ здѣсь дѣло проиграно) и перейти на личную почву, т. е. такимъ или другимъ путемъ напасть на личность спорящаго. Этотъ пріемъ можно было бы назвать *argumentum ad personam*, чтобы отличить отъ *argumentum ad hominem*. Этотъ послѣдній аргументъ возвращается къ объективному предмету и заставляетъ придерживаться того, что противникъ сказалъ или какого мнѣнія придерживался о данномъ предметѣ раньше; когда же дѣло доходитъ до личности, то пред-

метъ уходитъ совершенно на задній планъ и нападеніе направляется на личность противника язвительно злобно и грубо. Такой переходъ можно назвать скачкомъ отъ силъ духовныхъ къ силамъ физическимъ или животнымъ. Это излюбленный пріемъ всѣхъ людей, такъ какъ большинство изъ нихъ обладаетъ способностію къ выполненію его. Возникаетъ вопросъ: какъ надо поступать противной сторонѣ, чтобы отразить это нападеніе? Если эта сторона захочетъ воспользоваться тѣмъ же орудіемъ или тѣмъ же пріемомъ, неизбѣжно произойдетъ драка, возникнетъ дуэль или судебный процессъ объ оскорбленіи.

Ложно мнѣніе, будто совершенно достаточно не обращать на это вниманія и самому не переходить на личность противника.

Гораздо больше можно разозлить противника, доказывая ему совершенно хладнокровно, что онъ неправъ, а потому неправильно разсуждаетъ и высказываетъ мнѣніе (подобное встрѣчается при всякой діалектической побѣдѣ), чѣмъ грубымъ и оскорбительнымъ возраженіемъ.

Почему? А потому, что такъ говоритъ Гоббесъ: (De cive, cap. I) «Omnis animi voluptas omnisque alacritas in eo sita est, quo dquis habeat, quibuscumque conferens se, possit magnifice sentire de se ipso». Для человѣка нѣтъ ничего выше удовлетворе-

нія его тщеславія, и не одна рана не болитъ сильнѣе той, которая нанесена ему самому. (Отсюда происходятъ подобнаго рода мнѣнія, что «честь дороже жизни» и т. д.) Удовлетвореніе тщеславія возникаетъ главнымъ образомъ изъ сравненія самого себя во всѣхъ отношеніяхъ съ другими, въ особенности же по отношенію духовныхъ силъ. Это дѣйствительно въ сильной мѣрѣ замѣчается во время спора. Отсюда понятно озлобленіе побѣжденнаго, хотя бы къ нему и не отнеслись несправедливо; вотъ отчего онъ хватается за послѣднія средства, за эту послѣднюю уловку, которой нельзя избѣгнуть при помощи простой вѣжливости. Однакожъ хладнокровіе можетъ помочь и здѣсь. Стоитъ только, когда противникъ переходитъ на личную почву, замѣтить ему, что это къ дѣлу не относится, и, возвратившись опять къ предмету, продолжать доказывать, не обращая вниманія на нанесенное оскорбленіе, то есть, сдѣлать нѣчто въ родѣ того, что Оемистоклъ сказалъ Эврибіаду: (Бей, но выслушай). Правда, не всякій способенъ такъ поступить. Поэтому единственно вѣрное правило то, которое указываетъ уже Аристотель въ послѣдней главѣ своей *Topica*: Не спорить съ первымъ встрѣчнымъ, а только съ тѣмъ, о комъ знаешь, что у него достаточно ума для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого нелѣпаго абсурда,

что потомъ самому же станетъ стыдно; съ тѣмъ, кто можетъ спорить основаніями, а не сентенціями, выслушивать доводы, вникать въ нихъ и, наконецъ, съ тѣмъ, кто цѣнитъ истину, охотно выслушиваетъ доводы даже изъ устъ противника и достаточно справедливъ, чтобы быть въ состояніи, оказавшись неправымъ, если истина на сторонѣ противника, мужественно вынести это. Отсюда слѣдуетъ, что изъ ста людей едва одинъ достоинъ того, чтобы съ нимъ начать споръ. Что же касается остальныхъ, то пусть они говорятъ, что имъ угодно, такъ какъ *despirere est juris gentium*, и слѣдуетъ подумать надъ тѣмъ, что говоритъ Вольтеръ: «la paix vaut encore mieux que la verité» и чему учитъ одна арабская пословица: «На деревѣ молчанія виситъ плодъ его миръ».

ДОБАВЛЕНІЕ.

О значеніе логики и рѣдкости ума.

По моему мнѣнію, значеніе логики исключительно теоретическое, какъ науки, необходимой для познанія существа и правильнаго теченія умственной дѣятельности и вслѣдствіе этого должна быть только аналитикой, а отнюдь не діалектикой. Никакой практической пользы по отношенію правильнаго мышленія и къ отысканію истины логика не дастъ.

Большой вопросъ, поможетъ ли кому нибудь въ спорахъ это знакомство съ діалектикою? Нѣтъ сомнѣнія, что одержитъ побѣду въ спорахъ всегда тотъ, кто отъ природы одаренъ остроуміемъ и быстрой смекалкой, а не тотъ, кто отлично выучилъ правила діалектики. Если кто захочетъ пріобрѣсти навыкъ въ веденіи споровъ, то по моему мнѣнію, онъ достигнетъ гораздо скорѣе успѣховъ, читая діалоги Платона, изъ которыхъ многіе представляютъ прекрасные образцы діалектической ловкости, въ особенности же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сократъ строитъ ловушки софистамъ и потомъ ловитъ

ихъ, чѣмъ тщательнымъ изученіемъ діалектическихъ трудовъ Аристотеля, такъ какъ его правила слишкомъ далеки отъ каждаго даннаго случая для того, чтобы можно было примѣнить ихъ и для того, чтобы подбирать ихъ и приноравливать къ случаю нѣтъ времени. Логика должна и можетъ привести единственно къ формальной истинѣ, но не къ матеріальной. Она разсматриваетъ понятія, какъ данную вещь и единственно поучаетъ, какъ съ ними надо обращаться, при чемъ всегда остается въ сферѣ понятій; но существуютъ ли дѣйствительно *in rerum natura* вещи, соотвѣтствующія этимъ случаямъ, согласуются ли понятія съ настоящими вещами или къ вещамъ самовольно вымышленныхъ, это до нея совершенно не касается. Вотъ почему при самомъ серьезномъ и при самомъ правильномъ мышленіи можетъ быть полнѣйшее отсутствіе содержанія, или содержаніе можетъ блуждать и кружиться около абсолютныхъ призраковъ. Такъ было въ схоластикѣ, такъ бываетъ во многихъ важныхъ разсужденіяхъ при произвольныхъ тезисахъ, особенно же въ философіи.

Выводить мнѣнія изъ мнѣній—вотъ все, чему поучаетъ логика и что можетъ сдѣлать умъ, предоставленный самому себѣ. Но, чтобы какъ слѣдуетъ и безошибочно исполнить это, умъ вовсе не требуетъ никакой науки о законахъ

своей дѣятельности, но дѣйствуетъ правильно, совершенно самостоятельно, лишь только ему предоставленъ полный произволъ и коль скоро онъ предоставленъ самому себѣ. Совершенно неосновательно думать, что отъ логики можно имѣть какую-нибудь практическую выгоду и что она можетъ научить правильному мышленію; въ такомъ случаѣ слѣдовало бы вывести заключеніе, что тотъ, кто не учился логикѣ, всегда противорѣчиво мыслитъ, не признаетъ закона исключеннаго третьяго, то есть, что между двумя противоположными положеніями не можетъ быть третьяго или же соглашается съ выводами подобными слѣдующему:

Всѣ гуси имѣютъ двѣ ноги:
Хай имѣетъ двѣ ноги,
Слѣдовательно Хай—гусь.

Тогда пришлось бы думать, что только благодаря логикѣ человѣкъ узнаетъ, что думать и выводить такія заключенія, какъ мы сейчасъ привели, нельзя.

Конечно, въ такомъ случаѣ логика была бы необходима, но человѣчеству пришлось бы очень плохо. На дѣлѣ, разумѣется, это не такъ; совершенно неправильно говорить о *логикѣ* тамъ гдѣ разумѣешь *здравый умъ*. Приходится иногда читать такого рода похвалы «писателю»: въ сочиненіи много логики», вмѣсто того чтобы сказать: «Оно содержитъ правильное сужденіе и

выводы»; или часто слышишь: «ему бы слѣдовало прежде поучиться логикѣ», вмѣсто: «ему бы слѣдовало поработать умомъ и подумать прежде чѣмъ писать». Много встрѣчается ошибочныхъ сужденій, ошибочныхъ же заключеній, когда дѣло касается чего нибудь серьезнаго, встрѣчается замѣчательно рѣдко; можно сдѣлать ошибочный выводъ только второпяхъ, но стоитъ немного подумать и ложность этого вывода сразу обнаруживается и исправляется. Здравый разумъ настолько же всеобщъ, насколько рѣдко правильное и серьезное сужденіе. Но логика даетъ указаніе только того, какъ слѣдуетъ заключать, то есть, какъ обращаться съ сужденіями уже готовыми, а не того, какъ получить первоначально эти сужденія. Возникновеніе ихъ лежитъ въ наглядномъ познаніи, которое находится внѣ сферы логики. Сужденіе переноситъ наглядное познаніе въ абстрактное, а на это въ логикѣ мы не встрѣчаемъ правилъ. Въ заключеніи никто не ошибется, потому что оно состоитъ только въ томъ, что тамъ, гдѣ ему даны всѣ три термина, оно правильно опредѣляетъ ихъ соотношенія, а въ этомъ никто не ошибется. Самая большая трудность и опасность ошибки лежитъ въ установленіи и распредѣленіи посылокъ, а не въ извлеченіи изъ нихъ заключеній: послѣднее дѣлается неизбѣжно и само собою. Другое дѣло отысканіе посылокъ,

а здѣсь какъ разъ логика покидаетъ насъ; отыскать сначала *propositio major* есть дѣло рефлектирующаго разсудка, напримѣръ, сказать: «Всѣ животныя, имѣющія легкія имѣютъ голосъ». Если сужденія эти правильны и находятся на лицо, то выводъ заключенія есть дѣтская игра, а къ нему только и относятся логическія правила. Правильность сужденій логика предоставляетъ разсудку, и въ этомъ вся трудность. Итакъ, нечего бояться ложныхъ заключеній, а только ложныхъ сужденій, какъ это и подтверждается на каждомъ шагу опытомъ.

Не только рефлективный разсудокъ, которому обязаны всѣ великія открытія и важныя истины, оказывается исключительнымъ въ единичныхъ личностяхъ и вообще совершенно не составляетъ принадлежности человѣка, но даже разсудокъ, имѣющій уже правило, понятіе, абстракцію и массу отдѣльныхъ случаевъ, данныхъ ему наблюденіемъ,—разсудокъ, вся задача и цѣль котораго основывается единственно на томъ, чтобы убѣдиться, подходятъ ли извѣстныя случаи подъ данное правило; даже субсумирующій, какъ я утверждаю, разсудокъ едва ли можно приписать обыкновенному человѣку; по крайней мѣрѣ у большинства людей онъ чрезвычайно слабъ. Мы видимъ, что даже тамъ, гдѣ сужденіе людей не совсѣмъ подкуплено личными выводами и интересами (какъ по

большой части бываетъ), все-таки главнымъ основаніемъ считаютъ авторитетъ; они идутъ только по чужимъ слѣдамъ, повторяютъ только то, что слышали отъ другихъ, и хвалютъ, и ругаютъ все единственно по примѣру другихъ. Раздались аплодисменты—они начинаютъ аплодировать, раздается свистъ—и они начинаютъ свистать. Если видятъ, что другіе бѣгутъ за кѣмъ-то—и они, не отдавая себѣ отчета, бѣгутъ вслѣдъ за ними. Если видятъ кого-нибудь покинутымъ, боятся подойти къ нему. Въ жизни большинства людей, навѣрно нѣтъ ни одного такого случая, о которомъ можно было бы сказать, что они порѣшили такъ поступить и обсудили единственно на основаніи собственнаго разсудка. Они похожи въ этомъ случаѣ на овецъ, идущихъ за барапомъ: если онъ перескочилъ черезъ заборъ или черезъ ровъ, скачутъ всѣ до одного и онѣ; если обошелъ, обходятъ и онѣ.

Не будь этого, какъ можно объяснить фактъ, что каждая новая, освѣщенная собственнымъ свѣтомъ, вооруженная вѣчною силою истина, несмотря на всѣ эти достоинства и преимущества, всякій разъ при своемъ появленіи должна выдерживать такой отпоръ со стороны застарѣлаго заблужденія. Поройтесь въ исторіи наукъ и вы убѣдитесь, какой богатырскій бой выдерживала всякая важная новая истина при своемъ появленіи. Сначала принимаютъ ее гробо-

вымъ молчаніемъ, не обращаютъ на нее никакого вниманія, потомъ противопоставляютъ ей съ тріумфомъ божка стараго заблужденія въ надеждѣ, что она окаменѣетъ передъ нимъ, какъ передъ головой Горгоны. Но такъ какъ подобный опытъ, конечно, терпитъ фіаско, то поднимается отчаянный крикъ, шумъ и гамъ, затѣмъ начинаютъ критиковать и поносить ее. Благодаря чему же она остается цѣлой и невредимой? Естественно, благодаря тому, что съ теченіемъ времени начинаютъ съ ней соглашаться и принимаютъ ее отдѣльныя лица, добиваются какими-либо путями авторитета и въ концѣ концовъ переносятъ свое мнѣніе и прививаютъ толпѣ. Совершается это весьма медленно, и окончательный результатъ получается только тогда, когда человѣкъ, сдѣлавшій открытіе, окончилъ свое жалкое существованіе на землѣ и отдыхаетъ послѣ многотрудной и многострадальной работы. Кому нужны примѣры, пусть вспомнитъ исторію Коперника, Галилея, пусть прочитаетъ исторію открытія кровообращенія Гарвея и признаніе ея всѣми учеными спустя тридцать лѣтъ. Насколько всякій человѣкъ одаренъ разсудкомъ, свидѣтельствуетъ исторія литературы всѣхъ народовъ. Хотите ли вы новаго примѣра, прогрессивное движеніе котораго и развитіе навѣрно всѣ пережили? Возьмите теорію Гёте; въ этой теоріи величайшій человѣкъ, котораго въ теченіе мно-

гихъ столѣтій произвела Германія—Гёте, опровергать самымъ яснымъ, убѣдительнымъ и доступнымъ образомъ старое заблужденіе Ньютоновской теоріи красокъ. Книга его написана уже десять лѣтъ; съ тѣхъ поръ я и еще нѣсколько другихъ признали ея справедливость и открыто объявили это міру. Остальная часть ученаго міра ругала ее и твердо держится до сихъ поръ стараго мнѣнія *Credo* Ньютону. Своимъ отношеніемъ къ этому вопросу онъ готовитъ потомству прекрасные анекдоты. Такъ мало принадлежитъ разсудокъ существеннымъ свойствамъ человѣка, какъ такового!—Величайшіе крикуны—бараны вожаки. Благодаря имъ могутъ существовать литературные журналы, посредствомъ которыхъ люди позволяютъ составлять сужденія для неизвѣстныхъ лицъ, достаточно безстыдныхъ, чтобы являться неприглашенными судьями, и достаточно трусливыхъ, чтобы нападать анонимно на книги, написанныя не анонимно; и люди позволяютъ a priori навязывать себѣ эти сужденія. Такимъ образомъ, оказывается, что вѣнки эти, символы славы и тріумфа, раздаютъ у современниковъ журналисты, вѣнки, зелень которыхъ не увядаетъ, пока не вышелъ изъ обращенія годичный журналъ. Но никогда не увядающіе вѣнки, украшенные не сусальнымъ золотомъ и мишурой рождественныхъ елокъ, а настоящимъ—вѣнки, кото-

рые не увядаютъ и передъ которыми одно за другимъ проходятъ столѣтія, эти вѣнки раздаются далеко не журналистами.

Недостатокъ разсудка, замѣняемаго по большей части чужимъ авторитетомъ, имѣетъ еще сильнаго врага въ собственной волѣ и склонности. Воля всегда тайный врагъ разума. Потому-то чистый разсудокъ и чистый разумъ означаютъ такой разсудокъ и разумъ, которые совершенно свободны отъ вліянія воли, то есть склонности и только подчиняются собственнымъ законамъ. Вслѣдствіе этого я дамъ вамъ правила, какъ слѣдуетъ поступать, когда стремитесь убѣдить кого-нибудь въ истинѣ, находящейся въ прямомъ противорѣчіи съ заблужденіемъ, котораго онъ крѣпко придерживается, а слѣдовательно составляютемъ для него нѣкоторые интересы. Интересы бываютъ или матеріальные (то есть, сущность заблужденій составляетъ для него выгоду, напримѣръ, если онъ имѣетъ много подданныхъ, а ты стараешься доказать ему варварство крѣпостного права), или же единственно формальный (то есть, придерживается ошибочнаго взгляда единственно потому, что одинъ разъ ужъ онъ согласился съ этимъ взглядомъ и отреченіе отъ него и въ то же время признаваніе правоты другого стоило бы ему слишкомъ дорого). Правила, какъ поступать въ данныхъ случаяхъ, чрезвычайно легкія и есте-

ственныя; а между тѣмъ, несмотря на все это, очень рѣдко примѣняются. Обыкновенно поступаютъ наоборотъ: вслѣдствіе горячности, поспѣшности и желанія добиться во что бы то ни стало правоты съ громкимъ шумомъ и крикомъ мы заставляемъ человѣка, придерживающагося совершенно противоположнаго заблужденія, согласиться съ нашимъ выводомъ. Благодаря этому упомянутый человѣкъ закусываетъ удила, напрягаетъ свою волю противъ всѣхъ основаній и сужденій, приводимыхъ нами впослѣдствіи, о которыхъ онъ уже знаетъ, къ какому ненавистному для него заключенію они приведутъ. Благодаря этому пріему все сразу рушилось. Согласно же нашему правилу мы должны, наоборотъ, хранить свое заключеніе совершенно *in petto*, изолировать его и выставлять только посылки, но зато полно, ясно и всесторонне. Отнюдь мы не должны выводить сами заключенія, но заставить это сдѣлать того, кого хотимъ убѣдить. Признать это онъ можетъ потомъ втайнѣ, самъ для себя и съ тѣмъ большею правдою. Тогда онъ легче согласится съ истиной, такъ какъ не будетъ стыдиться, что его убѣдили а наоборотъ—будетъ гордиться тѣмъ, что позналъ истину и пришелъ къ такому убѣжденію самъ. Такъ тихо и незамѣтно должна проникать истина среди людей. Въ торжественныхъ и опасныхъ случаяхъ, гдѣ является нѣ-

который рискъ въ противорѣчіи, освѣщенномъ заблужденіями, бываетъ недостаточно не высказывать и скрывать заключенія; можно даже вывести совершенно ложное заключеніе, согласное съ освѣщеннымъ заблужденіемъ, когда посылки вполнѣ установлены.

Антоній: Yes, Brutus says he was ambitious—And Brutus is an honorable man.

Какъ бы обманъ ни былъ очевиденъ, онъ замѣчается не сразу, такъ какъ люди слишкомъ объяты и опутаны заблужденіемъ. Правильное заключеніе постепенно могутъ вывести только они сами люди, ибо основа познанія, какъ и вякая основа, влечетъ за собою неизбѣжно свое послѣдствіе и истина выходитъ наружу (такъ поступалъ Кантъ). Вотъ, какимъ образомъ должна въ этомъ мірѣ прокладывать себѣ путь истина!

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ѳ. И. МИТЮРНИКОВА.

С.-Петербургъ, Казанская ул., № 11.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

Библіотека Народнаго Здравія.

Болѣзни легкихъ въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Эйгорста.* Ц. 20 к.

Гигіена менструаціи. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Фюрстъ.* Ц. 25 к.

Брюшной тифъ. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Цимсенъ.* Ц. 20 к

Болѣзни желудка. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Боасъ.* Ц. 20 к.

Болѣзни горла. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Розенберга.* Ц. 20 к.

Болѣзни зубовъ и полости рта. *Проф. Шеффъ.* Ц. 20 к.

Болѣзни почекъ. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Сенаторъ.* Ц. 20 к.

Спинная сухотка. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Штинцингъ.* Ц. 20 к.

Чахотка. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Пенцольдта.* Ц. 20 к.

Болѣзни сердца. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Ланге.* Ц. 20 к.

Свѣтолѣченіе. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Нильсъ.* Ц. 20 к.

Астма. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Бриссо.* Ц. 20 к.

Корь, краснуха и вѣтряная оспа. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Делафуа,* Ц. 20 к.

Исторія. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Гоферсъ.* Ц. 20 к.

Падучая болѣзнь. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Гоферсъ.* Ц. 20 к.

Аневризмы. Въ общедоступномъ изложеніи. *Проф. Бейнеръ.* Ц. 20 к.

ГПБ Русский фонд
34. 83. 8. 399

Марло М., д-ръ. «Половая бы…
[illegible]
книги. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.
Владимиръ, Гиль-дэ. «Любовь». Военные разсказы. Спб.
1900 г. Ц. 60 к.
Его-же. «Новеллы». Маленькіе разсказы. Ц. 60 к.
Мэрей Джемсъ. «Воспитательное значеніе литературы».
Переводъ съ англійскаго. Ц. 15 к.
«Настольная книга для молодыхъ супруговъ съ по-
казомъ изложенныхъ правилъ супружеской жизни».
М. 1900. Ц. 50 к.
Нордау, Максъ. «Литературная автобіографія». Перев. съ
12 изданія проф. Н. К—ва. Спб. 1898. Ц. 25 к.
Его-же. «Исторія тоски». Ц. 25 к.
Его-же. «Паразитизмъ или міровое … прежде и
теперь». Ц. 25 к.
«Нѣсколько словъ молодымъ женщинамъ какъ сохра-
нить здоровье и красоту и избѣжать болѣзни мо-
лодости». М. 1900. Ц. 30 к.
Пробаръ, Г., проф. «Соціальная роль женщины». Перев.
съ нѣмецкаго. Ц. 25 к.
«О рожденіи дѣтей желаемаго пола». Составлено по
Шенку. Ц. 20 к.
Патрикъ, Ж., проф. «Психологія женщины». при свѣтѣ
новыхъ фактовъ и теоріи. Перев. съ польскаго
Ц. 25 к.
Переселинъ, А. П. Наблюденія изъ сельскохозяйствен-
ной практики «по скотоводству и садоводству въ
Россіи». Съ 12 таблицами, 9 рисунками и 2 листами
чертежей. Ц. 2 р. 50 к.
Лилатовъ, Т. «Французская азбука», научающая безъ
всякой посторонней помощи правильно читать по
французски. Ц. 30 к.

Дозволено цензурою. Спб. 6 Марта 1902 г.
„Владимірская" Типо-Литографія, Владим. пр., 19.